

Увидев, что хозяин остановился, Волчонок сразу же встал, залаял дважды и устремил на него яркий взгляд. Лу Сяомин рассмеялся, обнял его и поцеловал в лоб, намеренно поиграв с его ушами. Волчонок, казалось, был немного смущен, но не сопротивлялся, позволяя хозяину испортить свою прическу.

Лу Сяомин, видя его в таком беспорядке, не смог сдержать смеха, одновременно думая, что прошло уже несколько месяцев, и хотя Волчонок не мог сохранять духовную силу, благодаря уходу в его каналах скопилось некоторое количество энергии. Сейчас было бы подходящее время для заключения контракта.

Решив, что лучше сделать это сейчас, чем откладывать, Лу Сяомин сел на землю, скрестив ноги, и подтянул Волчонка к себе. Он тихо спросил:

— Волчонок, ты хочешь заключить со мной контракт и стать моим зверем?

Да, зверем, а не равноправным партнером или связанным кровным договором. Это не означало, что Лу Сяомин не ценил Волчонка, но равноправный контракт обычно заключался с более высокоуровневыми демоническими зверями, которые не хотели подчиняться культиватору. Такой контракт лишь запрещал причинять вред друг другу, но не давал особых преимуществ. Кровный договор же был слишком важным, связывая жизни и требуя высокого уровня мастерства. Лу Сяомин не мог использовать свой единственный шанс на Волчонка, ведь если бы тот не пробудил свое кровное наследие, он бы просто умер, как обычная собака.

Волчонок, казалось, понял слова хозяина, залаял в ответ, и в его глазах читалось полное доверие. Лу Сяомин улыбнулся, положил правую руку на лоб Волчонка и начал произносить заклинание. Внезапно Волчонок взвизгнул, и капля крови из его сердца выпрыгнула изо рта, быстро смешавшись с золотым светом.

Эта внезапная перемена, казалось, напугала Волчонка, но, чувствуя тепло руки хозяина на своем лбу, он лишь снова залаял, но не двинулся с места.

Когда свет рассеялся, Лу Сяомин с легкой болью в сердце обнял Волчонка. Для заключения контракта господина и слуги требовалась кровь слуги, что причиняло ему некоторый вред. К счастью, пока кровь не уничтожена, этот вред был невелик.

После заключения контракта между человеком и зверем возникла необъяснимая связь, словно они стали понимать друг друга без слов. Хотя контракт не позволял им разговаривать напрямую, они могли чувствовать намерения друг друга. Конечно, Лу Сяомин, как хозяин, мог блокировать это, если хотел.

Лу Сяомин, жалея своего зверя, снова начал ухаживать за ним, и через несколько циклов Волчонок полностью восстановился, выглядев даже более бодрым, чем раньше.

Лу Сяомин, наконец, успокоился, встал и, улыбнувшись, сказал:

— Пойдем, идем домой.

На фоне полей и деревни фигуры человека и собаки казались окутанными легкой дымкой, словно часть прекрасного пейзажа, приносящего умиротворение.

С наступлением лета погода становилась все жарче. Даже в деревне Чанвань, расположенной на юге, солнце не щадило никого. В самые жаркие дни все прятались дома, ведь один день на улице мог оставить ожоги.

Лу Сяомин, однако, не обращал на это внимания. За несколько месяцев он достиг второго уровня ци, что стало возможным благодаря его прошлой жизни, и теперь он не боялся жары.

Но, будучи обладателем водного духовного корня, он все же не стремился целыми днями находиться на солнце. Он выполнял просьбу Цянь Цзиньхуа, тренируясь только утром и выходя на прогулки вечером, а в самые жаркие часы оставался дома.

За домом Лу Сяомина находился большой бамбуковый сад, который даже в жару сохранял прохладу.

В отличие от хозяина, Волчонку приходилось тяжелее. По мере пробуждения его кровного наследия шерсть становилась все гуще. Если зимой он был как маленькая печка, то летом это было настоящей пыткой. Лу Сяомин, видя это, каждый день купал его, а иногда тайком водил к реке, чтобы он мог охладиться.

В отличие от матери и сына, которые могли оставаться дома в прохладе, Лу Дашань работал в тяжелых условиях. Он занимался физическим трудом, и в то время законы о защите рабочих были далеки от совершенства, поэтому рассчитывать на выходные в жару не приходилось. Хозяева иногда позволяли им отдыхать в самые жаркие часы, но не более чем на час, ведь они платили за работу, а не за отдых.

Даже привыкший к тяжелой работе Лу Дашань через несколько дней сильно загорел, а его спина покраснела. Если бы не то, что во время культивации Лу Сяомина духовная сила немного влияла на супругов, он бы уже давно сдался.

Цянь Цзиньхуа, жалея мужа, несколько раз уговаривала его отдохнуть, но Лу Дашань не соглашался. Как глава семьи, он, хоть и был немногословным, чувствовал ответственность. Раньше, когда сын был не в себе, они с женой были готовы заботиться о нем всю жизнь, но теперь, когда он поправился, Лу Дашань стал думать о будущем.

Лу Сяомин уже подрос, и, если постараться, он мог бы пойти в школу после лета. В то время правила были не такими строгими, и начать обучение на год раньше давало преимущество. Лу Дашань и Цянь Цзиньхуа не были образованными — один закончил только начальную школу, а другая — два класса, — но они мечтали, чтобы их сын добился успеха, ведь для деревенских жителей образование было единственным шансом на лучшую жизнь.

Но обучение требовало денег, а долги за строительство дома еще не были погашены. Лу Дашань не мог не беспокоиться об этом. Цянь Цзиньхуа тоже переживала, думая, что, если бы она могла выйти на работу, мужу было бы легче. Она решила отправить сына к своей матери на некоторое время, хотя это означало, что она не будет видеть его каждый день, но хотя бы сможет заняться делами.

Обсудив это с Лу Дашанем, Цянь Цзиньхуа в тот же день разбудила Лу Сяомина и сказала:

— Сегодня я отведу тебя к бабушке, не забудь поздороваться.

Лу Сяомин был заинтригован, ведь с тех пор, как он оказался здесь, он еще не видел родственников матери.

Цянь Цзиньхуа села на велосипед и начала рассказывать о семье. По дороге Лу Сяомин узнал, что его дедушка и бабушка живут в горах, примерно в часе ходьбы от деревни Чанвань, а на велосипеде можно добраться за полчаса. Дедушка и бабушка были уже в возрасте и жили с дядей, который был очень занят. Когда Лу Сяомин попал в беду, они приходили, но тогда он

был без сознания. Позже его двоюродный брат сломал ногу, и теперь старики заботились о нем.

— Когда будешь у бабушки, не вздумай бегать с твоим старшим братом, он слишком смелый. Твоя тетя говорит, что он едва встал с постели, а уже снова носится по горам, и его не удержать, — сказала Цянь Цзиньхуа, немного беспокоясь.

Ее родители были надежными, но уже не так сильны, а в доме был настоящий сорвиголова.

Когда они добрались до дома, дядя и тетя уже ушли на работу, дома оставались только старики, а двоюродный брат Цянь Юйхуа давно убежал куда-то играть, ведь бабушка и дедушка не могли за ним уследить.

Увидев дочь, дедушка и бабушка улыбнулись. Бабушка схватила Лу Сяомина за руку, глядя в его ясные глаза, и едва не заплакала:

— Хорошо, что ты поправился, хорошо.

Дедушка и бабушка в свое время пережили трудные времена, и даже свадьба старшей дочери была отложена. Когда она наконец вышла замуж, долго не могла родить, и тогда люди говорили о ней гадости. Когда же ребенок наконец появился, он оказался... А теперь все наладилось, и трудности остались позади.

Цянь Цзиньхуа, обычно прямолинейная и решительная, теперь, услышав слова матери, едва сдержала слезы. Дедушка засмеялся, выглядев добродушным, и, похлопав жену по плечу, сказал:

— Ну, Цзиньхуа редко приезжает, а ты стоишь у дверей и плачешь.

Только тогда бабушка вытерла слезы и, взяв дочь и внука за руки, повела их в дом, доставая все самое лучшее, что у нее было, чтобы угостить Лу Сяомина. Он поблагодарил бабушку, и это чуть не вызвало у нее новую волну слез.

<http://bllate.org/book/16350/1477721>